

Вивьен
Ламур

ТЕПЛИЦА
ДЛЯ ПОПАДАНКИ

Ягодка для барина

Часть 2

Вивьен Ламур

**Теплица для попаданки.
Ягодка для барина. Часть 2**

«Автор»

2026

Ламур В.

Теплица для попаданки. Ягодка для барина. Часть 2 / В. Ламур —
«Автор», 2026

Семь лет назад меня вытащили из снежного оврага, без памяти, в чужом теле. Сегодня у меня есть имя, семья, двое детей и любящий муж. Мои странные знания, когда-то пугавшие окружающих, помогли превратить и без того крепкое имение мужа в образцовое хозяйство, о котором говорят по всей губернии. Казалось бы, живи и радуйся. Но будущее не спрашивает разрешения: война уже дышит в спину. Мне предстоит не только отстоять право быть собой, но и найти способ уберечь то, что мы построили. И научиться прощать врагов, которые приползут к моему порогу, спасая свои шкуры. У нас остался всего один мирный год, чтобы успеть. Только бы хватило времени. Только бы не опоздать.

© Ламур В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семь лет спустя	5
Глава 2. Чай на веранде	8
Глава 3. Семейный обед	12
Глава 4. Вечерний разговор	16
Глава 5. Утренний разговор	19
Глава 6. Деловой разговор	23
Глава 7. Летние заботы	26
Глава 8. Покровские хлопоты	30
Глава 9. Встреча	32
Глава 10. Покров	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Теплица для попаданки. Ягодка для барина. Часть 2

Глава 1. Семь лет спустя

(Июль 1913 г)

Солнце стояло уже высоко, но жара еще не навалилась. День только начинал подбираться к полудню. Я стоял на взгорке, откуда Каменевка была видна как на ладони: поля, уходящие к самому лесу, крыши амбаров, белая труба новой сушильни, а дальше – синяя лента реки, за которой уже начинались чужие земли.

Шайтан носился по меже, вынюхивая что-то в траве. Пес, старый уже, с проседью на морде, но легкий по-прежнему, как молодой.

— Устал, старина? — окликнул я.

Он обернулся, тряхнул ушами и снова принялся за свое. Нет, не устал. И я, по правде сказать, тоже не устал. Хотя раньше меня так и тянуло в лес: уйти, отрезать себя от всех дел, остаться одному. А теперь...

Я посмотрел туда, где за пологим холмом угадывалась усадьба. Семь лет прошло. Семь лет с той зимы, когда Шайтан нашел ее в овраге.

Замерзающую, в лохмотьях, без памяти. Только имя – Лиза.

Я тогда еще подумал, странное дело: одета как нищенка, а руки белые, пальцы тонкие. Не крестьянские руки. И взгляд... не испуганный даже, а будто она не понимает, где оказалась и как сюда попала. Словно с луны свалилась.

Смешно вспомнить. А оказалось, почти что так и было.

Память к Лизе так и не вернулась. И знаете, я перестал ждать. Даже не перестал. Мне это стало не нужно. Потому что я полюбил ту, кого нашел: ее душу, ее ум, ее упрямство, ее способность создавать жизнь из ничего. Ее странные, ни на чьи не похожие мысли. Та, прежняя, Анастасия Ростовцева, могла быть кем угодно: дочерью, невестой, жертвой. Для меня это чужая женщина.

Суд семь лет назад все расставил по местам. Лиза доказала, что она не Настя. И точка.

Но именно она, со своими знаниями, которые для меня так и остались тайной за семью печатями, сделала то, что мы имели сейчас.

Я обвел взглядом окрестности. Вон там, на дальнем поле, виднелись фигуры: мужики ставили копны. Свои мужики, не крепостные – тех давно уж нет – а пайщики, кооператоры. Земля теперь за ними, в долгосрочной аренде. Кто хочет – работает на себя, кто хочет – в кооперативе, на машинах. И техники у нас, спасибо Лизе, накопилось: плуги импортные, сеялки, а к молотилке и вовсе паровой локомобиль приспособили, чтобы на соломе работать. Не у всякого помещика такое сыщешь.

Когда она заговорила об этом в первый раз, я только плечами пожимал. Отдать землю? Мужикам? Да они же ее в первый год разворуют и пропьют! А она свое: «Не разворуют, если дать им почувствовать себя хозяевами. И реформа эта... скоро будет, я знаю. Мы должны успеть первыми».

Я тогда не верил. А она смотрела на меня своими серыми глазами и говорила так, будто видела то, чего не видел никто.

И ведь оказалась права. Реформы, что начал Столыпин, прошли по уезду жестко. Соседи-помещики, те, что смеялись над моими «причудами», разорились вчистую. Кто не разорился за голову схватились, приезжали совета просить. А наша Каменевка стояла, да еще

и разрасталась. Народ потянулся: и свои остались, и новые пришли, получили землю, в кооператив вступили. Теперь работаем вместе, и с каждого пая – прибыль.

Вон там, у околицы, школа стоит. Тоже Лизина затея. Бесплатная, для всех. Учат не только грамоте, но и агрономию проходят, счет, естествознание. Детишки после уроков к нам в теплицы бегают, помогают, глаза горят. Вырастут и своих детей учить будут.

А рядом – фельдшерский пункт. Там Лиза с нашим доктором половину деревни перелечила. Кого только не спасала за эти годы! Я и сам помню, как она за мной ходила, когда я после той ночи, с ягнятами, слег. Баня, травы, настойки какие-то... Чудно было, а помогло. Как и тем ягням, что в теплице отогревали, прямо под клубничными кустами. В декабре-то, в лютый мороз! Соседи тогда ахали: «Каменев с ума сошел, овец в оранжерею поселил». А овцы выжили, и клубника вызрела к Новому году. Та самая, первая, которой Лиза судьям утерла нос.

Теперь ее в деревне иначе как «матушка Лизавета» не называют. Или «наша Лиза». Без холопства, без страха, с уважением. К ней за советом идут, за лекарством, за добрым словом. И руки мыть научила, и баню чаще топить. Смешно? А вот болеют меньше.

Вспомнил и на душе теплее стало.

Тут Шайтан встрепенулся, поднял морду, наострил уши. Я тоже прислушался. И сквозь утренний звон, сквозь дальние голоса с полей донесся тонкий, звонкий крик:

— Папа! Папа-а!

Я обернулся. От дома, со всех ног, перескакивая через борозды, неся Сережка. Наш шестилетний разбойник, названный в честь моего отца, Сергея Петровича. Мелькали босые пятки, рубаха раздувалась пузырем.

— Папа! — подлетел он, запыхавшись. — Там тетя Аня приехала! Мама стол накрывает, а Машка под ногами путается! Мама велела тебя звать!

Я подхватил его на руки: легкий, как воробей, а глаза сияют. Прижал к груди сына, зарылся носом в вихры, пахнувшие солнцем и травой.

— Тетя Аня, значит... Ну, пойдем, Сергей Николаевич, поможем маме. Сестру мою встретим как полагается.

Сын обхватил меня за шею, затараторил про то, что тетя Аня привезла подарки, что у нее новая шляпка, что Машка эту шляпку уже примерила на себя...

Я улыбнулся, представив эту картину. Наша маленькая хозяйшукa везде сунет свой носик, все ей интересно. А Аня, наверное, уже затискала племянницу, радуется, что есть кого баловать столичными обновками. Четыре года всего Машеньке, а характер – ого-го. Вся в мать, в Лизу. Та тоже в свое время командовать начала, едва оклемалась после той зимы.

— Ну и пусть путается, — сказал я, прижимая Сережу крепче. — Без нее в доме тихо было бы.

Хорошо, когда в доме дети. Хорошо, когда есть кому радоваться.

А еще хорошо, когда есть сестра, которая помнит тебя мальчишкой.

Анна.

За эти семь лет она приезжала несколько раз. Сначала настороженно, приглядываясь ко мне, к Лизе, к тому, как мы тут устроились. Потом все чаще, все теплее. Они с Лизой, такие разные – столичная львица и наша деревенская «матушка» – вдруг сошлись. Подружились даже. Я сначала не верил, думал, так, видимость. А нет, по-настоящему. Пишут друг другу, когда Анна в Петербурге, гостинцы передают. И сейчас, видно, опять что-то стряслось, раз приехала без мужа.

Про мужа ее, Владимира, я думать не любил. Пустой человек, хоть и с положением. Анна с ним маялась, я видел. Ну, ничего. Вот приехала и поговорим.

Я пошел к дому, опустив Сережку на землю, но руку его не выпуская. По дороге встречались работники: кто вез на телеге сено, кто шел с поля, кто просто окликнул, поздоровался.

И каждый с уважением, но без подобострастия. Свои. Не барин, а председатель. Не помещик. Свой.

И это, пожалуй, было главным, что мы с Лизой построили за эти семь лет. Не теплицы, не поля, не кооператив. А вот это: свои.

Глава 2. Чай на веранде

(от лица Лизы)

Я застыла в дверях с подносом в руках и несколько секунд просто наблюдала. Двор был залит солнцем, но на веранде царила приятная тень. Все лучше, чем в душных комнатах. Лето в этом году выдалось знатное. Жаркое, щедрое, пахнущее травой и нагретой за день землей.

Аня сидела в плетеном кресле, а на коленях у нее устроилась Машенька, наша доченька с Николаем. Сестра Коли примеряла племяннице свою дорожную шляпку: большую, с полями, украшенную смешными искусственными вишенками. Маша вертелась и заливалась счастливым хохотом. Аня смеялась вместе с ней, но в ее улыбке мне почудилась легкая грусть.

Какая же она все-таки красивая. Та же порода, что и у Коли: светлые глаза, тонкие черты. Но в Ане больше мягкости, столичного лоска. Одета по последней моде: светлое платье с кружевами, хотя в деревне это смотрелось почти неуместно, как райская птица среди воробьев. Но глаза выдавали. За этой внешней легкостью – усталость. Надлом.

Бедная Аня. Как она с этим живет?

Я перевела взгляд на дочку. Вся в отца: темные глазенки, твердый, упрямый взгляд. Но улыбка мамина, и кокетства в ней хоть отбавляй. Папина радость. Коля души в ней не чает и даже не скрывает этого, балует дочь как может.

А Сережа... тот в деда пошел, серьезный. Так говорит Коля. Сама я свекра не застала. Он умер незадолго до моего появления в этих краях, в этом времени. Шесть лет Сергею, а уже с отцом по полям ходит, вопросы задает, во все вникает. Гордость.

Семь лет. Всего семь лет пролетело, но как один день.

Когда Аня приезжала в первый раз – на рождение Сережи – она была другой. Колкой, настороженной. Смотрела на меня как на самозванку, захватчицу. А теперь... теперь мы почти сестры. Как же все меняется.

Коля тогда прислушался ко мне. Поверил. Если бы не он, если бы не его доверие...

Я так и не решилась сказать правду. Все еще боялась. Прикрывалась «снами», которые сбывались. Хорошее слово – сны. Все, что я знала о будущем, я называла снами. И Коля верил. Или делал вид, что верил. Но как сказать правду? Как объяснить, что я не отсюда?

Я тряхнула головой, отгоняя мысли, и шагнула вперед.

— Осторожно, горячее! — предупредила я, ставя поднос на стол.

Машенька тут же оживилась.

— Ой, можно мне? — спросила она звонко, уже протягивая руку к печенью.

Аня ловко перехватила ее, чтобы та не смахнула чашки и отдала одно печенье, шутливо грозя пальцем:

— Ах ты, маленькая сластена! Перебьешь аппетит перед обедом.

Маша довольно схватила угощение, но есть не стала: зажала в кулачке и с любопытством уставилась на меня:

— А что на обед? Мавра вкусное готовит?

Я улыбнулась и села в соседнее кресло.

— И правда, — Аня повела носом, принюхиваясь к запахам, доносившимся из кухни. — Мавра опять колдует? Я еще с порога почувствовала. Опять что-то новенькое?

— Сюрприз, — подмигнула я. — Не буду портить. Но обещаю: будет не хуже столичных деликатесов.

Аня рассмеялась:

— Ты меня балуешь. И себя не жалеешь. С утра на ногах, с детьми, с хозяйством... Где ты только силы берешь?

Я только плечами пожала. Силы? Они сами откуда-то брались. Наверное, от счастья.

Мавра за эти годы стала настоящим виртуозом. Я потихоньку, как бы невзначай, подкидывала ей идеи из своего мира. Сегодня на обед – заливное из судака. Блюдо, которое в глупинке 1913 года редкость, особенно такое прозрачное, как слеза.

Я как-то объяснила Мавре главный секрет: бульон нужно варить на малом огне, чтобы ни разу не закипел ключом. И обязательно снимать пену: всю, до последней крупинки. А потом, когда бульон готов, сделать «оттяжку»: взбить белок и влить в горячее, чтобы он собрал на себя всю муть.

Мавра сначала не верила, говорила: «Да откуда ж ему прозрачным-то быть, если мы всегда студень варили, и ничего». Но попробовала и теперь у нее заливное получалось такое, что любо-дорого посмотреть: рыбу укладывает узорами, украшает зеленью и крутыми яйцами. Для деревенской кухарки – высший пилотаж.

И кое-что еще готовит на обед, вот Аня удивится...

Из дома вышла Пелагея. Увидев нас, она привычно нахмурилась, но я-то знала, что это лишь маска.

— Машенька, иди ко мне, — сказала она, и в голосе ее не было строгости, только забота. — Не мешай маме с тетей разговаривать. Вон, пойдем во двор, папу встречать. Сережа уже за ним побежал, скоро будут.

Я смотрела на нее и в который раз ловила себя на мысли, что годы над ней будто не властны. Все такая же: осанка прямая, взгляд острый. Седых волос прибавилось, но глаза по-прежнему молодые. Для нее наши дети – вторые «барчата». Первыми были Коля с Анной, теперь его дети. Она их обожает и тиранит с равной силой. И никто не посмеет сказать, что Пелагея не член семьи.

Сколько же она для нас сделала. И нянька, и экономка, и просто... мать. Для всех нас.

Маша сначала закапризничала, не захотела уходить. Но Пелагея ловко переключила ее внимание:

— Пойдем, покажу, где цыплята гуляют.

Маша тут же оживилась, глаза ее загорелись.

— А можно я одного поймаю? Я осторожно!

— Поймаешь, — пообещала Пелагея. — Если будешь слушаться.

Маша соскочила с Аниных колен, положив печенье не стол и, бросив на ходу: «Я потом доем!», бойко побежала к Пелагее, на бегу забрасывая ее вопросами про цыплят.

— Ну вот. Остались одни, — Анна откинулась в кресле, задумчиво глядя вслед Пелагее с Машенькой. А потом добавила вдруг тихо: — Счастливые вы.

— Мы? — удивилась я.

— Все вы. Ты, Коля, дети, даже Пелагея со своим вечным ворчанием. У вас тут... настоящее. А у меня...

Она замолчала, теребя край платка.

— Аня, — я положила руку ей на ладонь. Пальцы у нее были холодные, несмотря на жару.

— Знаешь, Лиза, — продолжала она, не глядя на меня, — я иногда думаю: если бы у меня были такие дети, я бы все стерпела. А так, зачем я ему, Володе? Зачем я вообще кому-то?

— Ты нужна нам, Аня, — сказала я твердо. — Ты нужна Сереже и Маше. Они твои истории про Петербург обожают. Ты нужна Коле: единственная, кто помнит его мальчишкой. Каким он был до всего этого. До хозяйства, до забот, до... до меня. Кто помнит, как они с отцом на охоту ходили, как он мать свою обожал, как впервые коня оседлал. Для него ты – не просто сестра. Ты – его память. Самая живая и теплая.

Аня молчала, но я видела, как дрогнули ее губы.

— А знаешь, — сказала она тихо, — я помню. Все помню. И как отец его за шалости наказывал, и как мать тайком пирожки в карман совала... Боже, как давно это было.

— Вот видишь, — я сжала ее ладонь. — Ты — его детство. Его корни. А без корней, Аня, даже самое крепкое дерево упасть может. А еще ты нужна мне.

Она подняла глаза. В них блеснули слезы, но она сдерживала их с той отчаянной гордостью, которая бывает у женщин, привыкших не плакать при посторонних.

— Потому что ты единственная женщина здесь, — договорила я, — с кем я могу поговорить не только о навозе и урожае.

Аня всхлипнула и вдруг рассмеялась. Сквозь слезы, но искренне.

— Какая же ты... необыкновенная. Коля рассказывал, как он тебя нашел. В снегу, полумертвую. Загадку, как он сказал. А ты... из того снега выросло такое тепло. Такой дом. Такая семья.

Я посмотрела вдаль, туда, где за полями темнел лес. Тот самый овраг где-то там. Семь лет прошло, а внутри все еще жил тот холод.

— Из снега, — повторила я задумчиво. — Только я все время боюсь, что этот снег вернется. Что все, что мы построили, может растаять в одну минуту.

— О чем ты? — Аня насторожилась, вглядываясь в мое лицо.

Я спохватилась. Слишком много сказала. Аня же не знает. Никто не знает.

— Так... мысли вслух. Ты прости, я иногда сама не знаю, что говорю. Пей чай, а то остынет.

И в этот момент со стороны двора донесся звонкий, счастливый крик Машеньки:

— Папа! Папа идет!

Обернулась. И сердце замерло на секунду, как всегда при виде его.

Коля шел от поля. Не торопясь, но широким шагом: той особой, размашистой походкой, какой ходят люди, привыкшие за день обходить не одну десятину. На нем была простая холщовая рубаша с закатанными по локоть рукавами, такие же простые порты, заправленные в сапоги. Руки загорелые, сильные, в садах: не барские, работающие.

Я вспомнила, каким он был семь лет назад. Дорогой сюртук, идеально вычищенные сапоги, осанка. Ну точно барин, как в романах описывают. А теперь... теперь он мог бы затеряться среди мужиков, если бы не одно «Но». Стать. Та самая внутренняя стать, которую ни холщовой рубашкой не спрятать, ни пылью полевой не припорошить. Как он голову держит, как смотрит, как плечи развернуты. Это не от хорошей одежды, это от крови, от породы.

В одной руке он держал сорванный колосок, которым, видимо, всю дорогу играл, покручивая между пальцев. Загорелый, пропыленный, усталый и невероятно красивый. Для меня всегда.

Сережа бежал рядом, но, заметив Тимошку, который выскочил из-за угла, тут же сорвался к другу. Мальчишки захохотали, принялись толкаться и понеслись наперегонки.

Тимошка — сын Анюты и Анисима. Шесть лет, ровесник Сережи. Не разлей вода. Тимошка спокойный, рассудительный, весь в отца. Все время прикрывает Сережу, когда тот очередную авантюру затевает. Аня с Анисимом живут тут же, в отдельном доме. Аня теперь не просто горничная, а правая рука по дому. И моя подруга. Хорошо, что так вышло.

Коля подошел к веранде, поднялся по ступеням. Подошел ко мне, наклонился, поцеловал в висок. При сестре позволял себе только это. Но в глазах все остальное.

— Устала, моя ягодка? — тихо спросил он.

Я только улыбнулась в ответ.

Потом он обернулся к Ане, широко улыбнулся и обнял сестру.

— Ну, здравствуй, сестренка. Сколько лет, сколько зим.

Аня прижалась к нему, и я увидела, как расслабились ее плечи. Дома она. Среди своих. Она отстранилась, но все еще держала брата за руку. Лицо ее стало серьезным.

— Коля... Мне надо с тобой поговорить. И с Лизой. Очень серьезно.

Коля насторожился:

— Что стряслось? Володя? Опять?

Аня покачала головой:

— Не только. Коля... в Петербурге беспокойно. Очень беспокойно.

Я замерла. Внутри все оборвалось.

— Началось... — прошептала я почти беззвучно.

Глава 3. Семейный обед

На обед собрались в большой столовой: той, что выходила окнами в сад. Летний день врывался в распахнутые створки, занавески из тонкого белого полотна чуть колыхались, и воздух был густой, напоенный левкоем и нагретой листвой.

Стол накрыли парадной скатертью с вышивкой по краю, работы местной мастерицы. Посуда простая, крепкая, а в хрустальной вазе, которую я берегла для особых случаев, стояли полевые цветы: ромашки, колокольчики, несколько веток душистого горошка.

Все расселись по местам. Николай – во главе, я рядом, напротив Аня. Сережа и Машенька по бокам. Доченька на высокой подставке, иначе ей до стола не дотянуться.

Я уже хотела встать и помочь Пелагее с блюдами, но та только рукой махнула:

— Сиди, матушка, развлекай гостей. Мы с Анютой сами управимся.

Анюта, стоявшая с подносом у двери, кивнула и принялась ловко, почти бесшумно расставлять тарелки с закусками. Только изредка поглядывала на Тимошку, который маячил в проеме, надеясь, что ему тоже перепадет чего-нибудь вкусного.

— А ну марш домой! — прикрикнула она шепотом, чтобы не нарушать тишину. — Сейчас подсоблю и вас с отцом покормлю. Сегодня не до тебя.

Тимошка обиженно вздохнул, но створка закрылась. Анюта покачала головой и продолжила накрывать стол.

Я хотела было сказать: «Да пусть бы остался, места хватит», но Анюта перехватила мой взгляд и твердо покачала головой:

— Спасибо, Лизавета Семеновна, но так лучше будет. По крайней мере сегодня. И так забыл, где дом родной, вечно у вас околачивается.

Я чуть замерла: меня редко называли по отчеству. С тех пор, как после того суда я назвала его сама, от нечего делать, чтобы отделить себя от Анастасии Ростовцевой.

Семеновна – из моей прошлой жизни, из того мира, где я была Серебрянской. Здесь, в Каменевке, для всех я просто Лиза, матушка Лиза. И только Анюта иногда, в минуты особенной серьезности, вспоминала про отчество.

— Хорошо, — кивнула я. — Пусть идет домой.

В голосе Анюты не было ни былой робости, ни подобострастия. Простое, спокойное «нет», продиктованное материнской строгостью. Я только кивнула: Анюта теперь сама себе хозяйка. И это было правильно.

— Не вертись, — шепнул Сережа сестре.

— Я не верчусь! — ответила Маша громко, на весь стол. — Это стул вертится!

Аня рассмеялась:

— Какая же ты у нас говорунья. Вся в тетю?

— Вся в себя, — поправила я, улыбаясь. — Папу слушается, только когда хочет.

Николай хмыкнул, но ничего не сказал, только взглянул на дочь с той особенной, почти нежностью, которую ни с чем не спутать.

Первым подали заливное. Анюта внесла большое овальное блюдо и поставила перед Николаем. Он умел нарезать красиво, не нарушая узора.

— Господи, какая красота! — выдохнула Аня. — Это Мавра сделала?

— Мавра, — кивнула я. — Я ее немножко научила... секрету прозрачности.

Заливное и правда получилось на славу. Прозрачное, как слеза. Сквозь желе просвечивали розоватые ломтики судака, кружочки лимона, зелень петрушки, половинки крутых яиц. Все это было выложено с такой аккуратностью, что блюдо больше походило на картину, чем на еду.

— Ты ее научила? — переспросила Аня. — А сама откуда знаешь?

Я сделала вид, что поправляю салфетку.

— Приснилось. Честное слово, приснилось. Какой-то повар во сне показывал.

Николай наклонился ко мне, тихо:

— Опять сны?

Я так же тихо ответила:

— Но вкусно же.

Он усмехнулся и приступил к трапезе.

Аня тоже попробовала. Ее глаза округлились.

— Это восхитительно! У нас в Петербурге в лучших домах такое подают, и то не всегда. А у тебя в деревне, и кухарка – простая баба...

— Мавра не простая, — возразила я. — Она талантливая. Просто раньше никто ей не показывал.

Пока ели заливное, я думала о том, как же трудно каждый раз придумывать отговорки. «Приснилось» — хорошее слово, теплое, почти домашнее. Коля привык. Аня не настаивала. Но когда я слышала свое «приснилось», мне самой становилось неловко. Как будто я врала, даже детям. Хотя дети, кажется, вообще не замечали этих странностей. Для них мама просто знала, как сварить прозрачный бульон и почему картошку надо сажать в определенные дни.

Второе блюдо Аня внесла с особой торжественностью. На фарфоровом блюде, выложенные по кругу, лежали котлеты. Румяные, золотистые, с хрустящей корочкой. Из каждой торчала куриная косточка, аккуратно очищенная и украшенная бумажной папильоткой: тоже Маврина выдумка, после того как я показала ей картинку из головы.

— А это что за диковина? — спросила Аня, приняхиваясь.

Я замялась. Правильное название вертелось на языке — «по-киевски», — но я вовремя прикусила язык. Ведь в нынешней реальности 1913 года только начинали делать рубленые киевские котлеты, а мой вариант — из цельного филе с маслом внутри — появится в мире позже. Опережать историю на виду у всех не стоило. Даже в такой малости.

— По-каменевски, — сказала я. — Коля их обожает.

— Только осторожно, — предупредил Николай. — Внутри масло горячее. Может брызнуть.

Аня отрезала кусочек, и в тот же миг из котлеты вытекло прозрачное, ароматное масло с зеленью и чесноком. Она охнула, надкусила и зажмурилась.

— Боже мой... Что это? Я в жизни такого не ела. Даже у Кюба в Петербурге...

— Я придумала, — сказала я скромно. — Ну, приснилось опять. Котлета из куриного филе, а внутри масло с зеленью и чесноком. И панировка двойная, чтобы масло не вытекло при жарке.

Аня отложила вилку и посмотрела на меня с таким выражением, от которого мне стало и тепло, и немного неловко.

— Ты настоящая волшебница, — сказала Аня. — Коля, ты знал, на ком женился?

Николай усмехнулся, не поднимая головы от тарелки:

— Знал. Только волшебница еще в навозе копается и овец лечит.

Я пожала плечами:

— Да, волшебницы – мы такие. Все умеем.

Аня хотела что-то спросить, но промолчала. Однако ее глаза стали чуть задумчивее, словно она приглядывалась ко мне заново.

Маша, которая уже успела умять половину своей порции, потянулась к блюду:

— Мама, я хочу еще!

— Только осторожнее, — деловито заметил Сережа, повторяя тон отца. — Надо вилкой проколоть аккуратно, а то вон, вся забрызгалась. Смотри, как папа учил.

И продемонстрировал. И в этом «папа учил» было столько взрослой солидности, что я невольно улыбнулась. Растут дети. Совсем скоро нас обгонят.

Обед подходил к концу. Подали компот из сухофруктов: свои яблоки и груши, высушенные в новой сушильне, чья белая труба виднелась из окна. Аня отпила глоток, задумалась.

— Коля, Лиза, — начала она, и голос ее стал тише, без прежней игривости. — Я не просто так приехала. Мне надо было отвлечься... и предупредить вас.

Николай насторожился:

— О чем?

— В Петербурге очень беспокойно. Все только и говорят, что о Балканах. Что Австрия готовится ударить по Сербии. А за Австрией и Германия. И наши... наши тоже ввяжутся.

Я замерла. Ком застрял в горле. Я знала. Я помнила даты, имена, события. Пусть не все, но самые важные. И каждый раз, когда кто-то произносил такие слова, у меня внутри все сжималось.

Аня продолжала, понизив голос:

— Я слышала разговоры в гостиных, у мужа на приемах... Государь колеблется, но военные уже точат сабли. Говорят, это вопрос нескольких месяцев. Может, даже недель.

Николай отодвинул тарелку. Лицо его стало жестким, каким я его видела редко: только в минуты настоящей тревоги.

— Война? С кем? С Германией? Это же безумие. У нас хозяйство, поля, дети...

— Аня, ты точно уверена? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Спросила, зная правду, но чтобы поддержать разговор. — Или это просто слухи?

— Слухи? — Аня горько усмехнулась. — В прошлом году мы смеялись. А теперь... теперь уже не до смеха. Знаешь, как у нас называют этот год? «Последний мирный». Шепотом, но называют.

«Она даже не представляет, насколько права», — подумала я. И в который раз пожалела, что не могу сказать правду. Не сейчас. Не за обедом. Может, никогда. А если и скажу, поверят ли? Или решат, что я сошла с ума?

Николай провел рукой по лицу, устало, будто сбрасывая невидимую паутину.

— Война – это разорение. Моя мельница, кооператив, все пойдет прахом. А главное, людей заберут. А дети...

Я положила ладонь на его руку:

— Коля, не сейчас. Не при детях.

И тут Маша, которая, как выяснилось, все прекрасно слышала и понимала, вдруг звонко спросила:

— Папа, а война – это страшно?

Сережа выпрямился, важный, как маленький генерал:

— Я пойду защищать маму и Машу. И тетю Аню.

Аня сглотнула, и я увидела, как ее глаза заблестели.

— Дай бог, чтобы не пришлось.

Некоторое время ели молча. Компот давно остыл, ложки стучали о стенки чашек, подбирая распаренные фрукты, и этот звук казался слишком громким в наступившей тишине.

Аня отодвинула от себя пустую посуду.

— Коля, я хочу попросить... Можно я поживу у вас подольше? Не неделю, а.. может, до осени? Или пока...

Николай посмотрел на нее, и в его взгляде не было удивления, только тепло.

— Ты же знаешь, твой дом здесь. Всегда.

— Оставайся, сколько захочешь, — добавила я. — У нас места много. И дети тебя любят. Но Володя... что Володя?

Аня отвела взгляд, теребя край скатерти.

— Володя, как всегда. Ему дела нет. Он, наверное, сейчас в своем клубе, в карты играет, а я.. я устала. Устала притворяться, что у нас семья.

— Если он обижает, скажи, — голос Николая стал жестким. — Я доеду до Петербурга, поговорю по-свойски.

Аня покачала головой:

— Не обижает. Просто... я чувствую, что нужна здесь. Хоть кому-то.

Я взяла ее за руку, сжала.

— Ты нужна. И не «кому-то», а нам. Оставайся. А там видно будет.

Посмотрела в окно, где за стволами яблонь виднелось поле, а за ним – лес, а за лесом – горизонт, за которым уже, возможно, собирались тучи.

— Спасибо, — тихо сказала Аня. — Я вам так благодарна.

— Не за что, — ответил Николай. — Ты дома, Анна.

Я поднялась, чтобы помочь убрать со стола, но Аня уже ловко собирала тарелки. Дети выпросили еще по чашке компота и теперь сидели, притихшие, уставшие от обильной еды и взрослых разговоров.

— Пойдемте в гостиную, — предложила я. — Там прохладнее.

Николай подал руку Ане, она оперлась, и они пошли первыми. Я задержалась, чтобы взять Машу на руки: малышка уже клевала носом.

— Мам, — спросила она сонно, — а война правда будет?

— Не знаю, милая, — ответила я тихо. — Но мы сделаем все, чтобы ты ее не заметила.

И сама не знала, верю ли в эти слова.

Глава 4. Вечерний разговор

За окном догорал закат: розовый, с красноватым отливом, словно небо наливалось чем-то тревожным, беспокойным. Такой закат бывает перед бурей, подумала я, и от этой мысли внутри кольнуло.

День угасал, и в доме становилось тихо. Аня, уставшая с дороги и после сытного обеда, извинилась и ушла к себе. Дети давно спали: Машенька, набегавшись за день, уснула прямо на руках у Пелагеи, а Сережа, прежде чем закрыть глаза, долго возился в постели, вспоминая, как папа учил его аграрным премудростям.

Я дождалась, когда шаги в коридоре стихли, прислушалась: ни звука. Только сверчки за окном да редкий собачий лай.

— Пора, — шепнула я себе.

Мысль о заводе бередила меня уже не первый месяц, а может, и не первый год. Я вынашивала ее осторожно, как хрупкий росток, который боишься повредить неосторожным прикосновением. Умом я понимала: это не теплица, где можно начать с малого, с нескольких грядок. Завод — это огромная ответственность, это деньги, техника, люди, которым нужно будет платить, которых нужно будет учить. Это риск, который может все поставить под удар.

Но я также видела, сколько добра пропадает, как растут урожаи, как зреет зелень и фрукты, которые не сохранить до зимы. А слухи о войне, и тревога в глазах Ани, и собственное знание, которое я носила в себе, как тяжелый камень, все подталкивало меня к этому разговору. Сегодня, после того как Аня ушла к себе, я поняла: медлить больше нельзя. Или мы решаемся, или потом будем жалеть.

Глубоко вздохнула и пошла к кабинету, тихо постучала и приоткрыла дверь.

— Можно?

Коля поднял голову от бумаг. Он сидел в своем кожаном кресле, под зеленым абажуром лампы, и лицо его казалось усталым, но спокойным. Увидев меня, отложил перо и кивнул.

— Заходи. Что-то случилось?

Я вошла и притворила дверь. В кабинете пахло табаком, старой кожей и чем-то еще давним, уютным. Я села напротив, в удобное кресло, и на секунду замаялась.

— Надо поговорить. О деле.

Коля откинулся на спинку, сложил руки на груди.

— О каком?

— О нашей сушильне, — начала я осторожно.

— Ну и что с ней? Она работает, сушит. Ты сама хвалила.

— Да. Работает. Но это только начало. Коля, я думаю, нам пора идти дальше.

Он не перебивал, только смотрел внимательно. Я продолжила, стараясь говорить ровно, без лишней торопливости.

— Урожаи с каждым годом растут. Часть добра пропадает. Особенно зелень, овощи, фрукты. Их не сохранить свежими надолго. А если построить небольшой консервный завод, мы сможем перерабатывать излишки в продукт, который хранится годами и стоит дорого.

— Завод? — Коля нахмурился. — Лиза, ты понимаешь, какие это деньги? Оборудование, люди, помещение...

— Понимаю. И все равно считаю, что нам это нужно.

Я загнула пальцы, перечисляя.

— Первое: зеленый горошек. В столицах его до сих пор подают в лучших ресторанах, а у нас он растет сам собой. Да, мы его сушим, но этого мало. Консервировать — значит продавать зимой втридорога, имея свою, дешевую основу. Второе: сухофрукты. Сушильня уже есть, но

можно наладить фасовку и отправлять в города. Третье: тушенка. Мясо свое, скот хороший. Если законсервировать, можно поставлять куда угодно. Хоть в армию.

Последнее я сказала небрежно, как бы между прочим, но внутри все сжалось. Коля, кажется, не заметил.

— И четвертое, — добавила я. — Работа для людей зимой. Сейчас они сидят без дела, а будут получать прибыль.

— Это все хорошо, — Коля провел рукой по лицу. — В России такие заводы – единицы. Но где ты возьмешь оборудование? Лиза, мы не купцы и не заводчики.

— Я знаю, где можно заказать, — сказала я. — Я уже наводила справки, когда думала о сушильне. У нас есть знакомые, кто работал с рижскими металлстами, и немецкая техника – это самый надежный вариант. Я читала в «Плодоводстве» статью о немецких консервных линиях, там даже чертежи были. А в Риге, кстати, есть фабрика «Goegginger». У них и свое производство, и оборудование поставляют. Мы могли бы съездить, посмотреть, расспросить. Не такие уж это неведомые земли. И не такие дорогие, как кажется, если заказать не полную линию, а только необходимое для начала.

Коля замолчал, перебирая бумаги на столе. Я не торопила. Пусть думает.

— А люди? — спросил он наконец. — Где взять мастеров, которые умеют с такой техникой обращаться?

— Обучим. У нас в кооперативе полно смышленных мужиков, кто уже с машинами работает, кто грамоте обучен. Найдем, кому доверить. И Анисим Иванович поможет. Он умеет находить толковых людей.

Коля встал, подошел к окну. За стеклом была темень, только слабый свет луны пробивался сквозь редкие облака. Я смотрела на его напряженные плечи, чуть наклоненную голову. Он долго молчал.

— А если не получится? — сказал он, не оборачиваясь. — Если вложимся, а дело прогорит?

— Не прогорит, — ответила я твердо. — Я просчитала. Давай начнем с малого: один цех, пробную партию. Если пойдет, расширим.

Я смотрела на его спину и думала о том, что на самом деле толкает меня вперед. Не только прибыль и не только польза для хозяйства. Я знала, что через год начнется война. Что армии понадобятся консервы, сухие пайки, надежные поставки. Если завод заработает сейчас, к лету четырнадцатого можно получить военные заказы.

Но сказать об этом прямо я не могла. Поэтому говорила только о деньгах и развитии.

Коля обернулся. В его глазах была усталость и нежность: те самые, которые я научилась читать семь лет назад и которые до сих пор заставляли сердце биться чаще.

— Ты всегда была упрямой, — сказал он. — Еще когда в овраге лежала, вся в грязи, а глаза уже тогда командирские были. Ладно. Давай пробовать. Но только если Анисим Иванович скажет, что потянем. Пусть завтра прикинет расходы.

— Спасибо, — выдохнула я, стараясь не показывать, как сильно облегчение разливается внутри. — Ты не пожалеешь.

— Я уже давно не жалею, — он подошел, сел рядом и взял меня за руку.

Мы сидели в полумраке. За окном стрекотали сверчки, где-то лаяла собака, и было так тихо и мирно, что я почти поверила: все будет хорошо.

— А что Аня? — спросил Коля. — Как думаешь, что у нее стряслось на самом деле? Не просто же так приехала.

— Надеюсь, завтра мы с ней поговорим... по-женски, — ответила я. — А пока пусть отдохнет у нас. Ей нужно побыть здесь.

Коля усмехнулся:

— Только не учи ее консервы делать. А то муж из Петербурга придет, а она ему тушенку на ужин подаст.

Я улыбнулась:

— А почему бы и нет? Володе полезно будет знать, что его жена тут не скучает.

Он ничего не ответил, только крепче сжал мою ладонь.

Я смотрела в окно, на темное небо, где уже зажигались первые звезды. Мысленно я добавила то, что не могла сказать вслух: «Только бы успеть. Только бы успеть до того, как все рухнет».

Я не знала, что будет с нами через год. Но я сделаю все, чтобы мы встретили эту бурю во всеоружии.

Глава 5. Утренний разговор

Июль. На огороде дел полно: и грядки полоть, и огурцы подвязывать, и клубнику собирать, и за фруктами в саду глаз да глаз. Но я с утра в теплице. Как тогда, семь лет назад, меня все так же тянуло сюда, под стеклянную крышу. Только теперь не страх гнал, не желание выжить. А гордость.

Я стояла у входа, заложив руки за спину, и медленно оглядывала свои владения. Солнце уже поднялось высоко, стекла блестели: ни одного битого, все вымыты до прозрачности. В воздухе витал горьковато-сладкий аромат цветения и теплой земли: тот особый, живой дух, который бывает только в хорошо ухоженной оранжерее, когда растения дышат и тянутся к свету. Я вспоминала, как семь лет назад мы с Фомичем начинали с гнилых рам и разбитой печи. А теперь... Теперь здесь было царство жизни.

Печь новая, с чугунными трубами, тянулась вдоль стены. По стеллажам глиняные трубки с дырочками, капельный полив. Я знала, как это должно работать, но для мастера нужны были чертежи. Вычитала схему в одном журнале и уговорила местного горшечника сделать на пробу. Он тогда долго крутил в руках, качал головой, а потом принес первые образцы. И ведь работало.

На столике у входа лежала моя рабочая тетрадь в твердой обложке, аккуратная, без пятен, с карандашом, поточенным с обеих сторон. Рядом — свежий номер «Вестника садоводства, пловодства и огородничества» за июль 1913 года. У меня, конечно, были свои знания, но мне всегда интересно почитать, чем жили садоводы сейчас, какие новинки предлагали. Иногда попадались дельные советы, иногда — забавные заблуждения. Но журнал я не пропускала.

В дальнем, самом светлом углу — моя гордость. Лимонные и апельсиновые деревья в больших кадках. Ремонтантные сорта, цвели и плодоносили почти круглый год. Сейчас, в середине лета, на них можно было увидеть все сразу: нежные, будто восковые цветы с тонким, чуть горьковатым ароматом, и зеленые завязи, и уже наливающиеся желтизной плоды: крупные, тяжелые, пахнущие солнцем. Коля шутил, что теперь нам не нужно выписывать цитрусы к Рождеству. Все свое, с собственной теплицы.

Рядом с цитрусами теснилась рассада. Огурцы для зимней выгонки, корневые отводки клубники для раннего урожая. Все по делу, без баловства. Теплица работала на хозяйство, а не для красоты. Именно это и отличало Каменевку от разорившихся соседей.

У печи, в удобном плетеном кресле, сидел Фомич. Ему уже было далеко за семьдесят, он совсем сдал: ходил с трудом, но без теплицы жить не мог. Каждое утро его приводил кто-то из семьи, и он сидел, смотрел, изредка покрикивал на молодых. Сколько он помог мне за эти годы! И сортами ценными поделился, и секреты местные показал: какую землю где лучше взять, как с рассадой управиться, чтобы корни не гнили. А для молодых — Ильи, Насти и других — он и вовсе стал первым учителем. «Научу почву чувствовать», — говорил он, и я кивала. Не по книжкам, а по-живому. Я старалась заходить пораньше, чтобы успеть поговорить с ним, пока он еще бодр.

Илья и Настя работали у дальнего стеллажа. Илья — парень лет семнадцати, серьезный, молчаливый. Настя — помладше, но смышленная. Она уже знала, что капельницы надо проверять каждое утро, и сегодня заметила засор раньше меня.

— Молодец, — сказала я. — Если вовремя не прочистить, растения засохнут.

Она покраснела от похвалы, а Фомич из своего кресла скрипнул:

— Илья, не ровняй так, корни оголишь. Не спеши, как на пожар.

Илья молча поправил, и я улыбнулась. Старая гвардия.

В дверях показалась Аня. Светлое платье, легкая шляпка, прическа аккуратная. Даже в деревне она оставалась столичной дамой. Но улыбка теплая, не чопорная.

— А я знала, где тебя искать, — сказала она, входя. — Можно было даже не спрашивать, просто напрямик сюда.

Я обрадовалась ей. Она бывала в теплице и раньше, но сейчас ее взгляд сразу зацепился за дальнюю стену. Там, где раньше просто доходили грядки, теперь красовалась деревянная шпалера, а по ней вились молодые, но уже сильные лозы винограда. Крупные кисти висели среди резных листьев, наливались соком, обещая сладость.

— Лиза, а это что у вас новенькое? — Аня подошла ближе, коснулась пальцем упругой ягоды. — В прошлые приезды я такого не помню.

Я подошла к ней, встала рядом.

— Виноград. Посадили прошлой весной, и вот первый урожай, — я осторожно тронула гроздь. — Коля, кстати, уже требует вина, но мы его пока не слушаем.

Аня улыбнулась, но глаза у нее были грустные. Она перевела взгляд на Фомича, подошла к старику, наклонилась.

— Здравствуйте, Фомич. Как вы себя чувствуете?

Фомич прищурился, узнал.

— А, барышня Аня... Приехала. А барин-то где? — он, конечно, про мужа, но Аня на секунду замерла, а потом мягко ответила, словно понимая иначе:

— Коля в поле. Я к Лизе пришла.

Фомич кивнул, не вникая.

— Она тут командует, ягодка барская, — он кивнул в мою сторону, — а мы слушаемся. Она у нас голова, а мы руки.

Я смотрела на них и думала: Фомич из старой закваски. Ему уже не объяснишь, что жизнь не стоит на месте, что в стране перемены, что он сам давно не крестьянин, а пайщик кооператива. Для него мы все те же — барышня Аня или Лиза, барин Николай, барин Володя... И пусть. Главное, что он с нами, что теплица его держит.

— Фомич, вы без нас не пропадете? — спросила я. — Мы с Аней в беседку, на полчаса.

Он махнул рукой:

— Идите, идите. Я тут присмотрю.

Мы вышли из теплицы. На ходу я кивнула Илье, показала на дальний стеллаж: там надо доделать пересадку, Настя справится. Они поняли с полуслова, привыкли.

Лето было в самом разгаре. Жара, но в тени яблонь дышалось легко. Воздух наполнился густым, приторным ароматом — это наливались плоды, тяжелели ветки, и казалось, что сам сад дышит медом и сладостью. А у беседки пахло иначе: нежно, чуть горьковато. Плетистые розы обвивали деревянные решетки, лезли вверх, к крыше, и свисали розово-белыми каскадами.

— Как у вас здесь пахнет... — Аня закрыла глаза. — Медом и яблоками. А розы... Это какой-то особый сорт? Я такого аромата никогда не чувствовала.

— Французский, — сказала я, проводя рукой по лепесткам. — Коля выписывал из-за границы. Хотел, чтобы беседка утопала в цветах. И представляешь, прижились.

Мы сели в тени. Я увидела, как мимо пробегает молодой работник.

— Сергей, будь добр, принеси из погреба льда, из кухни — лимоны, мяту, сахар и воду. И высокие стаканы, если не трудно.

Он кивнул и убежал. Никакого подобострастия, просто деловое поручение. Аня смотрела на меня с интересом.

— Чем это ты решила меня удивить? Звучит уже вкусно: лимоны, мята...

— Это называется «мохито», — объяснила я, на ходу, якобы, сочиняя. — Придумала рецепт, когда лимоны появились в достатке. Очень освежает в жару. Сделаем безалкогольный. Хотя если добавить ром...

Аня засмеялась:

— Ты и это умеешь?

— Учусь, — улыбнулась я.

Сергей вернулся быстро, поставил на стол поднос. Лед в стеклянной миске звенел, мята пахла свежестью да такой густой, что сразу хотелось вдохнуть поглубже. Лимоны — желтые, пахучие, с тонкой коркой.

Я взяла стакан, положила на дно листочки мяты, дольки лимона, чуть-чуть сахара. Аккуратно подавила пестиком, чтобы мята отдала сок, и запах разлился над столом, летний, почти пьянящий. Добавила лед, выжала сок лимона, залила холодной водой. Размешала, подала Ане.

Она попробовала. Глаза округлились.

— Это что за чудо? Никогда такого не пробовала. В Петербурге в лучших ресторанах ничего подобного нет.

— А у нас есть, — я с удовольствием отпила из своего стакана. — Коля тоже сначала удивился, а теперь привык.

Мы пили молча. В беседке было прохладно, стрекотали кузнечики, где-то вдали лаяла собака. Аня отставила стакан, вздохнула.

— Лиза, можно тебя спросить? — голос ее был тихий, почти неслышный. — Ты когда-нибудь чувствовала себя... лишней? Ненужной?

Я молчала, давая ей выговориться. Она продолжала, не глядя на меня:

— Володя уже давно не скрывает, что у него другие интересы. Я для него — мебель. Иногда думаю: уйти, развестись...

Она замолчала, теребя край салфетки.

— Аня, — осторожно спросила я. — Ты сама видела? Или кто-то сказал?

Она покачала головой.

— Нет. Не видела. И никто не говорил. Я просто... чувствую. Его холодность, его равнодушие. Он смотрит сквозь меня, как сквозь пустое место. Раньше я думала, что это усталость, дела... Но теперь понимаю — это другое. Он не хочет меня обидеть, но и не хочет быть со мной. А я.. я не знаю, что делать.

Я смотрела на нее, такую красивую, ухоженную, и такую одинокую. Вспоминала себя семь лет назад: нищая, грязная, без памяти. У меня не было даже имени. А у нее есть все и ничего.

«В моей прошлой жизни, — думала я, — таких женщин было много. Мужья гуляли, жены мучились. И то — скандал, позор. Но было проще. Если муж изменял, жена могла потребовать развода, и никто пальцем не показывал. Пошепчутся и забудут. А здесь... здесь совсем другой мир».

— Аня, — сказала я вслух, беря ее за руку. — Жить с человеком, который тебя не ценит, — это не жизнь. Я знаю, что развод — это страшно. И скандал, и сплетни. Но может, время покажет. А пока — ты дома.

Она не плакала. Только глаза блестели, и она часто моргала, чтобы не расплакаться.

— Спасибо тебе, — прошептала она. — Ты всегда умеешь найти нужные слова.

Я отпустила ее руку, откинулась на спинку кресла.

— Хочешь, я научу тебя чему-нибудь? — предложила я. — Мохито этот делать, например. Лето еще в самом разгаре, будешь наших работников освежать в самую жару. Или как травы сушить. Будет время, и голова занята, и сердце спокойнее.

Аня удивилась, потом улыбнулась. Улыбка у нее была светлая, как у ребенка.

— Ты и правда волшебница.

Я молчала. Она не знает, что будет. Но я сделаю все, чтобы здесь, в Каменевке, мы все были в безопасности. Чтобы ей было куда вернуться. А пока пусть просто живет. Пусть дышит.

Мы допили мохито. Я предложила:

— Пойдем, покажу новые грядки с огурцами.

Аня согласилась. Мы вышли из беседки, и тут навстречу бежала Машенька: растрепанная, румяная, с вишенкой во рту. Она бросилась к Ане:

— Тетя Аня, тетя Аня!

Аня подхватила ее на руки, закружила. Машенька завизжала от восторга, смех разлился по саду. И снова пахло яблоками, розами и счастьем.

Пусть пока она думает только о своей боли, — размышляла я, глядя на них. — Успеет еще узнать, что такое настоящая беда. А сейчас пусть радуется.

Глава 6. Деловой разговор

(Николай Каменев)

Утро выдалось ясное, но я почти не заметил, как оно наступило. Всю ночь ворочался с боку на бок, в обрывках мыслей, которые никак не хотели складываться в ровную картину. Но сейчас, когда я сидел в кабинете и ждал Анисима, странное спокойствие опустилось на плечи. Решение было принято, и отступать я не собирался.

Я посмотрел на стул напротив: тот самый, продавленный, с потертыми подлокотниками, на котором Анисим просиживал часы, когда мы начинали кооператив. Сколько раз он сидел там, хмурился, перебирал цифры, качал головой, а потом выдавал: «А давайте попробуем». И мы пробовали. И получалось.

Он появился ровно в девять, как всегда. Ни раньше, ни позже. Постучал, вошел, и кабинет сразу наполнился запахом махорки: его неизменным спутником.

— Доброе утро, Николай Сергеич, — сказал он, присаживаясь на свое место.

Я кивнул, отодвигая бумаги.

— Садись, Анисим Иванович. Разговор есть.

Он достал свою вечную записную книжку с карандашом, примотанным ниткой. Устроился поудобнее, приготовился слушать.

— Серьезный разговор, — добавил я.

— Я слушаю, — он поднял на меня свои умные, спокойные глаза.

Я откашлялся.

— Хочу построить консервный завод.

Он не моргнул. Не удивился. Только чуть прищурился и переложил карандаш из одной руки в другую.

— Консервный? — переспросил он, будто пробуя слово на вкус. — Горошек там, огурцы?

— И горошек, — кивнул я. — И тушенку можно. И сухофрукты. Урожай растут, часть добра пропадает. А если перерабатывать и зимой продавать, и в города отправлять. И людям работа в холода.

Анисим помолчал, постукивая карандашом по книжке.

— Слышал я вчера, что Аня приехала. Говорила что-то про войну, — он посмотрел на меня с легкой усмешкой. — Твоя Лиза, видать, опять подтолкнула?

Я усмехнулся в ответ.

— Ее идея. Но не только. Я сам давно думал, что пора идти дальше. Теплица, сушильня — хорошо. Но завод — это другой уровень.

— Другой уровень, — повторил Анисим. — И другие деньги.

— Поэтому я и позвал тебя. Ты в цифрах лучше меня разбираешься.

Он кивнул, принял как должное.

— Сколько, как думаешь, потянет?

Я пожал плечами.

— Начнем с малого. Один цех, пробную партию. Если пойдет, то расширим.

Анисим почесал подбородок.

— А оборудование где брать? В России такое разве делают?

— Делают, но мало, — ответил я. — Придется выписывать из-за границы. В Германии такие линии давно работают, а в Риге есть фабрика, которая и сама консервы выпускает, и оборудование продает. Можно съездить, посмотреть, как оно у них устроено, и заодно заказать.

Анисим кивнул, что-то пометил в книжке.

— В Ригу? Это далеко.

— Не ближний свет, — согласился я. — Но съездить стоит. Не заказывать же вслепую. Да и время сейчас... сам знаешь, в Европе неспокойно. Газеты пишут, слухи ходят. Если затянем, потом может быть поздно. Границы закроют и все, прощай оборудование.

Анисим нахмурился.

— Думаешь, всерьез?

— Не знаю, — честно сказал я. — Но рисковать не хочется. Надо ехать, пока можно.

Он кивнул, что-то пометил в книжке.

— А деньги? Из резервного возьмем или кредит брать?

— Из резервного, — твердо сказал я. — Не хочу в долги лезть. Потянем – хорошо, не потянем – сами виноваты.

Анисим уважительно посмотрел на меня. Он любил, когда решения принимались без лишней суеты.

— Это ты верно. А люди? Кто работать будет? Техника-то заграничная, с ней обращаться уметь надо.

— Обучим, — ответил я. — У нас в кооперативе смышленных хватает. А если надо, можно кого-то за границу отправить, на обучение. Того же Илью, например. Он парень толковый, к технике тянется.

Анисим оживился.

— Илью? Это ты верно. Я за ним давно примечаю: голова у парня светлая. И агрономию он освоил, и к машинам интерес имеет. Не пропадет.

— Вот и я о том же, — кивнул я. — А пока он там будет учиться, мы здесь подготовимся. А вернется и завод запустим, и других обучить сможет.

— А как же сроки? Успеет?

— Должен успеть, — сказал я, глядя в окно на занимающийся день. — Сейчас еще можно съездить, а что будет через год – один Бог знает.

— Вот и я о том же.

Мы помолчали. Я смотрел в окно, где за стеклом уже вовсю кипела жизнь: кто-то тащил мешки, кто-то запрягал лошадь, дети бегали по двору, орали что-то веселое. Все шло своим чередом. А у нас с Анисимом в кабинете рождалось что-то новое, что должно было изменить эту жизнь.

— А документы? — спросил он наконец. — Разрешения, согласования. Это же волокита на месяцы.

— Знаю, — я вздохнул. — Но тянуть нельзя. Если начнем сейчас, к весне можно успеть.

Анисим опять что-то пометил в книжке, потом поднял на меня глаза.

— А у меня мысль есть, — сказал он медленно. — Муж Анны, Владимир, в министерстве же служит. Может, он поможет с бумагами? Не за так, конечно, но за идею.

Я задумался. Владимир – человек пустой, это да. Но у него есть связи. И если он увидит в этом выгоду для себя...

— Может, и поможет, — сказал я не очень уверенно. — Попросим Анну поговорить.

Анисим кивнул, и я увидел в его глазах то самое выражение, которое замечал много раз: когда он понимал, что дело стоящее, и загорался им не меньше моего.

— Тогда давай так, — сказал он, закрывая книжку. — Я начну смету считать. А ты думай, когда в Ригу ехать. И с Владимиром этим... пусть Анна подключается.

Я встал, протянул ему руку.

— Спасибо, Анисим Иванович. Я знал, что на тебя можно положиться.

Он пожал мою ладонь крепко, по-мужски.

— Мы вместе начинали, вместе и будем. Не пропадем.

Дверь закрылась. Я остался один, но одиночество не тяготило. Я смотрел на стул, где только что сидел мой старый друг, и думал о том, что теперь все завертелось. Завод, Рига, Илья,

бумаги... И этот пустой человек Владимир, который вдруг стал нужен. В жизни так бывает: кто был ничем, тот может стать всем, если вовремя протянуть руку.

Я подошел к окну. Во дворе Анисим уже разговаривал с каким-то мужиком, кивал, показывал пальцем в сторону амбара. Все шло своим чередом. А впереди было что-то большое, неизведанное, и от этого захватывало дух.

«Начинаем, — подумал я. — С богом».

Глава 7. Летние заботы

Утро только начиналось, а на кухне уже всю кипела жизнь. Я с самого рассвета была на ногах: сначала заглянула в теплицу с проверкой, потом сходила на огород, выбрала самые спелые помидоры. Мавра хлопотала у печи, поглядывая на меня с немим вопросом: что на этот раз затевает матушка Лизавета?

— Сегодня будем заготовки делать, — объявила я, высыпая на стол корзину с томатами. — Помидоров в этом году уродилось: некуда девать.

Мавра одобрительно кивнула и принялась подавать миски да кастрюли.

В дверях показалась Аня. Она была в легком домашнем платье, волосы убраны в простой узел. Видно, что после нашего разговора ей стало легче, и она решила не отсиживаться в комнате.

— О, — улыбнулась она, увидев горы помидоров на столе. — Ты снова собираешься делать тот свой знаменитый... как его... кетчуп?

— Он самый, — кивнула я, принимаясь за дело.

— Даже Володя оценил в прошлый раз, — Аня взяла в руки один помидор, покрутила. — Помнишь, я брала с собой баночку, когда уезжала? Он потом спрашивал, не осталось ли еще.

Я усмехнулась. Володя, значит, оценил. Это было даже забавно: пустой человек, как его называл Коля, а к еде равнодушен.

— В этот раз я хочу сделать кое-что новое, — сказала я, закатывая рукава. — Пока томатов много, надо пробовать разные рецепты.

В этот момент дверь снова скрипнула, и на пороге появилась Пелагея. Она несла плетеную корзину, доверху наполненную пучками фиолетового базилика и головками чеснока. Рядом с Пелагеей, чуть впереди, бодро шагала Машенька, с листиком, прилипшим к щеке. Она помогала собирать траву, конечно, больше мешала, но старалась изо всех сил.

— Вот, Лизонька, — Пелагея поставила корзину на лавку, вытирая руки о передник. — Как просили, набрали. Хорош «душистый василек» нынче уродился.

Я подошла к дочке, присела перед ней, аккуратно убрала листик с щеки, поцеловала в макушку.

— Какая ты у меня помощница, — сказала я. — Спасибо тебе, родная.

Машенька довольно улыбнулась и залезла на табурет играть с помидорами, перекидывая их с места на место.

Я выпрямилась, взяла в руки один пучок базилика, поднесла к лицу. Запах был густой, пряный, чуть горьковатый: тот самый, который я так любила в своей прошлой жизни.

Аня с любопытством заглянула в корзину.

— Базилик? И куда столько? — удивилась она, подхватив душистую веточку. — Удивительная трава. Ммм... аромат какой!

— Часть пойдет для консервации, — ответила я, отрывая листочек и растирая между пальцами. — Сейчас будем делать кетчуп с чесноком и базиликом. Часть засушим на зиму. Сушеный базилик прекрасно хранится, его можно добавлять в супы, соусы, горячие блюда. А еще я хочу тебя удивить.

— Чем же? — Аня подняла бровь.

— Сделаю из него напиток. Такого ты точно нигде не пробовала, — сказала я, откладывая пучок в сторону.

— Заинтриговала, волшебница!

Я взяла заварной чайник, бросила на дно несколько веточек базилика, залила кипятком. Накрыла полотенцем и оставила на минуту.

Пелагея взяла Машеньку за руку:

— Пойдем, маленькая, не будем маме мешать. Вот матушка Лизавета сейчас приготовит что-то вкусное, вечером за ужином и попробуем.

— А папа где? — спросила Машенька.

— Папа занят, с Анисимом Иванычем разговаривает, — ответила Пелагея, уводя ее из кухни.

Я проводила дочку взглядом, улыбнулась про себя: папин хвостик. Потом перевела взгляд на заварной чайник и разлила настой по чашкам. Жидкость получилась красивого розового цвета, почти прозрачная, с легким фиолетовым отливом.

— Вот, — я протянула чашку Ане. — Попробуй.

Она осторожно отпила, потом еще раз.

— Это чай? — удивилась она. — Очень необычный...

— В горячем виде он помогает при простуде, горло лечит, кашель смягчает, — объяснила я. — А в холодном – просто приятный напиток. Можно добавить лимон и мед.

Я взяла чашку, добавила в настой несколько ломтиков лимона и ложку меда, размешала. Поставила остывать.

— Следующую чашку попробуешь уже охлажденным, — сказала я. — И сама увидишь разницу.

— Воистину, волшебница, — покачала головой Аня.

Я только улыбнулась. Волшебница – не волшебница, а жизнь научила.

— А теперь, — сказала я с воодушевлением, — будем делать кетчуп.

Помидоры я ошпарила кипятком и сняла с них кожицу. Нарезала дольками, сложила в большую кастрюлю и поставила на плиту. Мавра подкинула дров, и огонь весело затрещал.

— Главное, — объясняла я Ане, пока помидоры уваривались, — чтобы соус получился густым, без лишней воды. Надо долго выпаривать, почти до состояния пюре.

Когда помидоры превратились в густую массу, я протерла их через сито, чтобы отделить оставшиеся шкурки и семечки. Аня помогала: осторожно, как будто делала что-то очень важное.

«Как бы мне сейчас пригодился миксер, — подумала я, вытирая пот со лба. — Или хотя бы ручной блендер. В моей прошлой жизни это заняло бы пять минут. А тут – сито, ложка и час времени. Но ничего, привыкла. И без техники обходимся».

— А теперь, секретный ингредиент, — я взяла несколько зубчиков чеснока, мелко порубила, добавила в соус. Потом нарезала базилик тонкими полосками, чтобы он отдал аромат, но не превратился в кашу.

Запах поплыл по кухне густой, томатный, с пряными нотками. Мавра приоткрыла окно, чтобы не было слишком душно.

— Еще немного сахара, соли, — я пробовала соус на вкус, добавляла по чуть-чуть. — И будем варить до нужной густоты.

Через час кетчуп был готов. Я разлила его по маленьким стеклянным банкам, которые Мавра заранее простерилизовала в печи. Аня закручивала крышки, аккуратно, как будто это было драгоценностью.

— Ты смотришь на них так, будто видишь чудо, — заметила я, улыбнувшись.

— А разве нет? — она отложила банку в сторону. — Помню, как в детстве матушка завязывала горлышки пергаментом, а сверху заливала воском. А тут, накрутил, и порядок.

— Это все изобретение одного американца, Мейсона, — пояснила я, закручивая следующую банку. — Он еще в середине прошлого века придумал, как сделать такую крышку, чтобы воздух не проходил.

— Американец? — Аня удивилась. — А я и не знала. И откуда ты только все это знаешь, Лиза?

— Много читаю, — ответила я, пожав плечами. — Мы с Колей выписываем несколько журналов. В «Вестнике садоводства» попадаются интересные заметки, и в других изданиях тоже. А ты думала, волшебство?

Аня улыбнулась, покачала головой.

— Нет, Лиза. Я давно поняла, что твое волшебство – это ум и труд. Просто иногда забываю.

Я тоже улыбнулась в ответ и продолжила:

— Когда Коля построит завод, — сказала я, ставя последнюю банку на стол, — можно будет запустить целую линию таких соусов. Кетчуп, томатный сок, маринады... У нас в Каме-невке все свое, выращенное своими руками. Это будет продукт высшего качества.

Аня задумалась.

— Ты серьезно?

— Вполне, — я вытерла руки о передник. — Мир меняется, Аня. Дворянство переживает не лучшие времена. Кто успеет вовремя сориентироваться, тот и останется на плаву.

Я посмотрела на нее внимательно.

— Ты могла бы помочь нам. У тебя есть вкус, есть связи в Петербурге. Когда завод заработает, можно будет открыть свой магазин. Не самой за прилавком стоять, конечно, а управлять, создавать репутацию. Продавать наши консервы, соусы, сухофрукты. Дело нужное и, думаю, прибыльное.

Аня молчала, переваривая услышанное. Потом медленно кивнула.

— Ты знаешь, Лиза... Я никогда об этом не думала. Но, может, ты и права.

— И потом, — добавила я, наливая ей еще чаю. — Для завода нужно оформлять документы, получать разрешения. Володя мог бы помочь, у него связи в министерстве. Это же и ему выгодно: если у жены появится свое дело, это только повысит его статус.

Аня усмехнулась.

— Володя о статусе думает в первую очередь. Но ты права, возможно, он и согласится.

А может, это и к лучшему. Общее дело сближает. Если Володя втянется, у них появится что-то кроме его карт и ее тоски. Тогда и мысли о разводе уйдут на второй план. Не до него будет.

Я взяла чашку с остывшим чаем, отпила. Цвет стал светлее, почти янтарный: лимон сделал свое дело. Вкус изменился: появилась приятная, освежающая кислинка, которая переплеталась со сладостью меда, а легкая горчинка базилика добавляла пикантности. По телу разлилась прохлада, и жара уже не казалась такой душной.

— Попробуй теперь, — я протянула Ане чашку.

Она отпила, подержала глоток во рту, потом закрыла глаза.

— Это что-то невероятное, — сказала она тихо. — Никогда такого не пила. В Петербурге даже в лучших ресторанах ничего подобного нет. Освежает, бодрит... И цвет какой красивый.

Я довольно улыбнулась.

Вечером, когда Коля вернулся с конторы, мы ужинали все вместе. На столе стояла тарелка с кетчупом, и Сережа с Тимошкой макали в него свежий хлеб, довольно причмокивая.

— Хорош соус, — одобрил Коля, попробовав. — Базилик! Не зря ты его посадила.

Он улыбнулся мне, и в его глазах была не только благодарность, но и гордость.

Аня сидела рядом, задумчивая, но спокойная. Я видела, что мои слова запали ей в душу, и она уже обдумывала, как все это можно устроить.

Пелагея внесла пирог с капустой, и разговор перешел на другие темы: о погоде, о том, что пора бы уже убирать сено, пока дожди не начались.

Я слушала их, а сама думала о том, как быстро летит время. Еще немного и начнется осень, потом зима, а там и весна. И наш завод, наш магазин, наше общее дело. Все это было еще впереди, но уже так близко, что захватывало дух.

«Только бы успеть, — подумала я, глядя в окно на темное небо. — Только бы успеть до того, как все изменится».

Машенька, уставшая за день, клевала носом у меня на коленях. Я погладила ее по волосам и тихо вздохнула. Дети пока не знают о тревогах взрослых. И пусть не знают как можно дольше.

Глава 8. Покровские хлопоты

Завтра Покров. В доме с самого утра стояла та особая суэта, которая бывает только перед большим праздником. Мавра с помощницами уже с рассвета стряпала пироги: запах дрожжевого теста, яблок и корицы плыл из кухни, смешиваясь с запахом опавшей листвы за окном. Аня заглянула на кухню и удивилась:

— Куда столько, Мавра? Нас же не так много.

Мавра, вытирая руки о передник, пояснила:

— Так сегодня столько народу надо накормить, что без завтрашнего запаса не обойтись. И свои, и работники кооператива придут поздравить. Теперь у нас так заведено: праздник общий.

Я кивнула, подтверждая. Действительно, в Каменевке уже несколько лет было принято угощать всех, кто трудился на земле. Пироги, блины, осенние заготовки — все это ставили на столы и в доме, и во дворе. Никто уже не делился на «барскую столовую» и «людскую». Все были свои.

Пелагея доставала из сундуков праздничную посуду, перетирала ее сухой тряпицей и ставила на стол, ворча, что «барышня Аня опять не ту скатерть выбрала».

Я усмехнулась про себя. Пелагея из старой закваски, для нее Аня навсегда осталась «барышней». Так она называла ее, когда Аня была еще ребенком. За семь лет многое изменилось, но старую привычку не искоренить. И, честно говоря, не нужно. Это не попытка вернуть сословные различия, просто дань возрасту и памяти. Пусть уж называет как привыкла.

Анюта с Анисимом украшали зал: ветки рябины, осенние листья, несколько букетов сухоцветов, которые я заготовила еще с лета.

Я смотрела на них и думала о том, как все переплелось в нашей жизни. У них теперь свой дом, свое хозяйство. Анюта — не прислуга, а свободная женщина, жена управляющего. Но традиция осталась: все большие праздники мы по-прежнему отмечаем вместе, в этом доме. Как на Покров, так и на Новый год. И они приходят украшать, потому что это уже не барская прихоть, а общее дело. Наша общая память.

Я то и дело выходила на крыльцо, прикрывая глаза ладонью от неяркого осеннего солнца. Дорога уходила за лес, пустая пока, но я все равно вглядывалась вдаль.

— Не торопи, — сказала Аня, появившись рядом. — Приедет. Написал же, что постарается к празднику.

Она говорила спокойно, но я видела, как она то и дело поправляет скатерть, переставляет цветы, одергивает подол. Ворчит, что «все не так», но в глазах — ожидание. И даже не столько мужа, сколько просто события, праздника, когда дом наполнится голосами и станет по-настоящему семейным.

— Приедет, — согласилась я. — А ты не суетись, и так красиво.

Аня только отмахнулась и ушла в дом, а я осталась на крыльце.

Мы ждали Владимира. Коля написал ему письмо: приглашал в гости, рассказывал о затее с заводом, о том, что без его помощи с документами не обойтись. Я тогда спросила: «А если откажется?» А Коля усмехнулся: «Не откажется. Он не дурак, видит, где выгода». Мне оставалось только надеяться.

Но я волновалась не только из-за планов. Аня сказала, что он обещал приехать. А если нет? Если передумает, найдет отговорку? Она, конечно, виду не подает, но я вижу, ей это важно. Несмотря на его холодность, на их отношения, она по-прежнему его ждет. И мне было бы обидно за нее, если бы Владимир не приехал.

Во дворе работники заканчивали последние дела перед праздником. Кто-то тащил мешки с мукой, кто-то чинил забор. А в конюшне было особенно оживленно: оттуда доносилось не просто фырканье, а деловой, сосредоточенный гул. Лошади тоже чувствовали, что день осо-

бенный. Конюхи водили их под уздцы, проверяя упряжь, кто-то уже начал расчесывать гривы, чтобы завтра заплести их лентами.

Я вспомнила, как в первые годы жизни в Каменевке удивилась, узнав, что на Покров лошадей не запрягают, а только чистят, украшают и водят к церкви для освящения. Коля тогда объяснил: «Покров – граница между осенью и зимой, лошадям тоже нужен отдых перед долгой служей. А святая вода защитит их от болезней».

С тех пор мы соблюдаем эту традицию, и даже сейчас, когда в усадьбе уже не осталось ни крепостных, ни барина, а есть только кооператив, но праздничный уход за лошадьми остался. Это уже не приказ, а наша общая память, забота о тех, кто кормит нас своим трудом.

А Сережа с Тимошкой уже не просто бегали без дела. К Покрову традиционно заготавливали дрова на зиму, и мальчишкам доверили маленькое, но важное дело: аккуратно сложить в поленицу уже напиленные березовые полешки и принести мелкие ветки для растопки. Они таскали их, покрасневшие, серьезные, чувствуя свою взрослость.

А из конюшни тем временем вынесли начищенную до блеска праздничную сбрую: медные бляхи так и сверкали на солнце. Сережа с Тимошкой забыли про все на свете. Они замерли, сжимая в руках поленья, и с восхищением смотрели, как переливаются бляхи.

Я хлопотала на кухне, поглядывая, как там мои заготовки для ужина. Коля предупредил: Владимира лучше встречать с чем-то новеньким. Что ж, у меня как раз было кое-что припасено.

Пока Мавра пекла пироги, я взялась за небольшой глиняный горшок. Свежие лимоны из теплицы, сахар, яйца, масло — все это, смешанное на водяной бане, превращалось в нежную, янтарную массу с удивительно свежим цитрусовым ароматом. Лимонный курд — так назывался этот десерт.

Я вспомнила, что читала где-то: придумали его в Англии в прошлом веке. В России о таком знали разве что самые искушенные аристократы, выписывавшие иностранные журналы. Для столичного чиновника, да еще в провинции, это была бы настоящая экзотика. А у нас, в Каменевке, это становилось моей маленькой кулинарной тайной.

Я представила, как Владимир попробует эту нежную, чуть кисловатую сладость, и усмехнулась. Пусть знает, что в деревне тоже умеют удивлять.

Пелагея тем временем, вынув из печи противень с румяными блинцами, подозвала Машеньку.

— Ну-ка, маленькая, помоги углы запекать.

Дочка, гордая доверием, важно понесла на тарелочке маленькие блинчики. Пелагея двигалась следом, раскладывая их по углам комнаты.

— С блинами на Покров не страшна зима, — приговаривала она. — Это мы домового угощаем. Он, батюшка, скоро спать на всю зиму укладывается. Надо его задабривать, чтобы берег дом и тепло в нем хранил, пока холода стоят.

Машенька слушала, раскрыв рот, и даже дышать перестала, так ей было интересно. А я смотрела на них и думала о том, как важно, что эти обычаи живут. Пусть даже не все в них верят, как раньше, но дети растут с ощущением, что мир не ограничивается только тем, что можно потрогать. Что есть еще что-то: домовый, который берет дом под свою защиту, старая Пелагея, которая помнит заговоры, и тепло, которое мы храним вместе.

Наконец, уже ближе к вечеру, я услышала стук колес. Вышла на крыльцо, пригляделась. Карета показалась из-за поворота, и я облегченно выдохнула: успел.

Глава 9. Встреча

Коля пошел встречать, помог внести вещи. Аня вышла следом, и я увидела, как Владимир, вылезая из экипажа, первым делом отряхнул сюртук, поправил воротник и только после этого поднял глаза.

Даже после долгой дороги он выглядел подтянуто. Лет сорока, с правильными, даже красивыми чертами лица, но с каким-то... безразличным выражением, словно ему все надоело.

Он смотрел на жену, не узнавая. И правда, Аня переменилась. Не то чтобы очень, но что-то в ней было новое: спокойствие, легкость, даже какая-то твердость во взгляде. Она улыбнулась мужу, взяла его под руку, и он, кажется, растерялся.

«Деревенская жизнь пошла ей на пользу, — подумала я. — И дела, и свежий воздух».

В доме Владимир оглядывался, как впервые. Стол уже был накрыт, из кухни тянуло пирогами, и он, видимо, не ожидал такого радушия. Аня повела его показывать зал, украшенный рябиной, и я слышала, как она что-то оживленно рассказывала, а он молча кивал. Но я заметила, как он улыбался. По-настоящему, а не дежурно.

За ужином все было просто, но сытно: щи, пироги с капустой и грибами, соленья, компот из сухофруктов. Аня подала мужу соус, который сама приготовила по моему рецепту: кетчуп с базиликом и чесноком. Владимир попробовал, удивился.

— Это что за диковина? — спросил он.

— Наш фирменный соус, — ответила Аня, и в ее голосе я услышала гордость. — Лиза научила. И теперь я сама его делать умею.

Владимир посмотрел на нее с интересом, потом на меня.

— Вы тут, я смотрю, не скучаете.

— Скучать некогда, — ответила я. — И это только начало.

Когда подали десерт, я поставила на стол небольшую вазу с янтарной массой, а рядом тарелку с тонкими, еще теплыми блинчиками.

— Это лимонный курд, — пояснила я. — Можно намазывать на блинчики или просто есть ложкой.

Владимир взял блинчик, осторожно намазал, попробовал. На его лице появилась смесь удивления и удовольствия.

— Никогда ничего подобного не ел, — сказал он. — Лиза, вы точно из нашего времени? Я внутренне вздрогнула, но виду не подала.

— Просто люблю экспериментировать, — ответила я с улыбкой. — А лимоны у нас свои, тепличные.

Сережа, который уже успел намазать себе целый блин, довольно причмокивал.

— Мам, это очень вкусно! Можно я еще?

— Можно, — разрешила я.

Машенька, перепачкавшись в курде с носа до ушей, довольно улыбалась и тянула ручонки к вазе.

Коля, попробовав, одобрительно кивнул.

— Ты, Лиза, каждый раз удивляешь. Из простых лимонов и такая сладость.

— Главное, что всем нравится, — ответила я, наблюдая, как быстро пустеет ваза.

Владимир отложил ложку, посмотрел на жену.

— Анна, ты тоже научилась так готовить?

Она чуть покраснела, но ответила твердо:

— Не все еще секреты Лизы переняла. Но я стараюсь. Может, когда-нибудь...

Он кивнул, и в его взгляде мне почудилось что-то новое: не просто интерес, а уважение.

После ужина детей уложили спать. Сережа упирался, хотел остаться со взрослыми, но Пелагея была непреклонна. Мы перешли в гостиную, и Коля начал главное.

Он говорил о заводе, об оборудовании из Германии и Риги, о том, что без помощи в документах не обойтись. Владимир слушал внимательно, не перебивал, только иногда задавал деловые вопросы. Я смотрела на них и понимала: он не дурак. Он все просчитывает.

— Слухи о войне все тревожнее, — сказал Владимир после паузы. — Если начнется, мобилизации не избежать. Но если завод будет работать на нужды армии, тебя, Коля, как управляющего, могут оставить. Без тебя завод встанет. Это и долг, и шанс уберечь людей.

Коля кивнул, а я внутри замерла. Он сказал именно то, о чем мы с Колей думали, но не решались произнести вслух.

— Так ты поможешь? — спросил Коля.

— Помогу, — ответил Владимир. — С бумагами, с разрешениями. У меня есть связи в министерстве. И потом... — он усмехнулся, — выгодное дело не хочется упускать. Может, и я войду в долю?

Коля посмотрел на меня, я кивнула.

— Это разговор отдельный, — сказал он. — Но почему бы и нет?

Аня молчала, но я видела, как теплеют ее глаза. Муж заинтересовался, и это могло их сблизить. Общее дело оно такое.

Решили так: завтра на Покров все вместе идем в церковь, а после Владимир остается на пару дней, чтобы детальнее обсудить планы. Пока готовят документы, Анисим начнет подготовку площадки, а Коля будет думать о поездке в Ригу.

Николай и Владимир вышли на крыльцо покурить, а я осталась с Аней.

Она сидела в кресле, задумчивая, но спокойная.

— Ты видела? — спросила она тихо. — Он смотрел на меня... по-другому. Спасибо тебе.

Я подошла, обняла ее.

— За что?

— За то, что дала мне дело. Что поверила. Что научила. Без тебя я бы так и осталась той скучной дамой, которая только и умеет, что наряды менять.

— Ты сама, — сказала я. — Сама захотела. А я только показала, куда смотреть.

Она не ответила, только прижалась к плечу. А я думала о том, что общее дело сближает. Может, у них еще все наладится. Может, и этот пустой человек, как называл его Коля: равнодушный к жене, картежник, прожигатель жизни, не знающий настоящего дела, найдет в себе силы стать другим.

За окном смеркалось, и где-то вдалеке слышался лай собак. Праздник начинался.

Глава 10. Покров

Утро выдалось ясное, с легким морозцем: таким, который только бодрит, а не холодит до костей. Солнце стояло невысоко, но уже золотило крыши, ветки деревьев, остатки травы вдоль дороги. Пахло опавшей листвой, дымком из труб и праздником.

Мы собирались в церковь. Покров – день, когда на Руси испокон веку провожали осень и встречали зиму. Я давно привыкла к этому обычаю, он стал частью моей жизни. Не то чтобы я была очень набожной, но в такие моменты чувствуешь себя частью чего-то большого, объединяющего всех: и семью, и соседей, и работников кооператива.

Коля вышел из дома в добротном темном пальто из плотного драпа, на голове – мягкий фетровый картуз, который он полюбил больше всех других шапок.

— В самый раз, — сказал он, одергивая рукава. — И тепло, и не стесняет.

Я оглядела себя. Пальто из тонкого сукна, перехваченное ремешком в талии, простое, но изящное. Голову покрывала теплая шерстяная шаль, завязанная по-деревенски. Я не гналась за столичной модой, но и экономить не привыкла. Практичная хозяйка – вот кто я теперь.

Аня и Владимир вышли следом, и я невольно залюбовалась. Аня в длинном приталенном пальто с роскошным меховым воротником, из-под которого видно было кружево ворота. Шляпка с перьями сдвинута набок, точно она позирует художнику. Владимир в солидном пальто, под ним сюртук, в руке котелок, который он нес небрежно, как бы случайно.

«Столичные штучки», — подумала я, пряча улыбку. Для них Покров – очередной светский выход. Для нас – семейный праздник и начало серьезной подготовки к зиме. Но ничего, пусть смотрят. В Каменевке они не только отдохнут, но и увидят, как работает настоящее дело.

В церкви уже собрались знакомые лица. Работники кооператива с женами, дети, старики. Все принаряжены, кто во что горазд, но без барской роскоши: по-деревенски, по-своему. Сережа и Машенька стояли рядом со мной, чинно, хотя обоим не терпелось побегать.

— Покров – это граница между осенью и зимой, — тихо объяснила я им. — Время подводить итоги и готовиться к холодам.

Сережа кивнул, важно, как взрослый. Машенька просто посмотрела на меня и улыбнулась.

После службы, когда люди стали расходиться, я предложила Ане и Владимиру:

— А не хотите проехать по полям? Вы редко бываете в Каменевке осенью. Покажу, как мы готовимся к зиме.

Владимир поднял бровь, но согласился. Коля, конечно, присоединился. Дети остались с Пелагеей.

Мы поехали в легком экипаже, на ходу переговариваясь. Первая остановка у поля, где зеленой щеткой всходила горчица.

— Это сидераты, — сказала я, выходя из экипажа. — Земля не должна пустовать. Весной мы запашем эту зелень, и она станет лучшим удобрением, обогатит почву азотом.

Коля подошел ближе, нагнулся, сорвал стебелек.

— Когда Лиза только предложила, я не верил, — признался он. — А теперь без этого не представляю.

Владимир слушал внимательно, но видно было, что он впервые слышит такие слова. Аня, напротив, с интересом оглядывала поле.

— А что это за щиты? — спросила она, указывая на деревянные конструкции на краю поля.

Коля охотно объяснил:

— Чтобы снег не сдувало. Под толстым слоем земля промерзает меньше, а весной влаги будет вдоволь. Маленькая хитрость, а польза огромная.

Владимир покачал головой:

— Я в городе привык, что все привозят из лавок. А вы тут... целая наука.

Мы перешли к другому полю. Я спустилась с экипажа, разгребла ногой верхний слой земли, показывая свежевспаханное поле.

— Глубокая осенняя вспашка, — объяснила я. — Помогает накопить влагу и уничтожить вредителей, которые зимуют в почве. Без нее хорошего урожая не видать.

Аня гордо посмотрела на брата и на меня.

— Вот поэтому у нас все и растет, — заключил Коля. — И завод нам нужен, чтобы перерабатывать то, что вырастили. Масштабы, сами видите, не маленькие.

Владимир задумчиво кивнул. Я видела, что он уже не просто слушает, а оценивает, примеряет к своим возможностям. И это было хорошо.

Вернулись мы к обеду. Стол ломился от яств: освященные пироги, блины, мед, соленья – все свое, выращенное и приготовленное в Каменевке.

Аня и Владимир сидели рядом, и я заметила, что прежняя напряженность между ними почти исчезла. Общее дело – завод, помощь с документами – сближало.

Коля поднял бокал:

— За урожай! За наше общее дело! И за предстоящие перемены: пусть они будут только к лучшему!

Все подхватили тост. Зазв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.